

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

РАЗВОД
С ЛЕДЯНЫМ
ДРАКОНОМ

Аптека опальной попаданки

Лилия Тимолаева

Развод с ледяным драконом.

Аптека опальной попаданки

<https://litres.ru/74220899>

Аннотация

Меня развели публично — с печатью, которая должна была стереть меня из жизни ледяного герцога. Вместо извинений я получила ссылку, полуразвалившийся дом и аптеку с долгами... а вместе с ними — город, который кто-то методично травит «белым морозом». Пока гильдия запрещает лечить без “допуска”, люди синеют и падают на улицах. А у меня в доме прячется ребёнок с ледяной меткой — слишком опасной, чтобы быть случайностью. Герцог уверен, что виновата я. Его Дом уверен, что мальчика не существует. И у каждого из них есть причина заставить меня замолчать. Но я — аптекарь. Я не умею быть удобной. И если ради спасения города мне придётся заключить сделку с тем, кто меня сломал... пусть попробуют остановить меня второй раз.

Содержание

Глава 1. Развод и ссылка	4
Глава 2. Аптека опальной	16
Глава 3. Белый мороз и чёрная печать	40
Глава 4. Бастард герцога	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Развод и ссылка

Когда тебя унижают публично, воздух становится плотным — как лёд перед трещиной. Я это поняла не умом, а кожей: толпа дышала в меня, как зверь, и каждый вдох пах чужим удовольствием.

— Леди Элария Нордхольм, — голос Верховного нотариуса был ровный, будто он зачитывал счетоводную ведомость, а не приговор. — По воле герцога Кайрена Нордгрея и согласно древнему праву Северных Домов...

Я моргнула, пытаюсь протолкнуть в голову хоть одну связную мысль. Секунду назад — или годы назад? — я была Варварой, обычной женщиной с руками, пахнущими спиртом и аптечными мазями, с уставшими глазами и привычкой проверять срок годности даже у собственного терпения. А теперь...

Теперь на мне было белое платье с серебряной вышивкой, будто меня нарядили в сугроб. Вышивка кусалась: холодными нитями по коже, по костям. И ещё — корсет. Дышать было сложно. Как будто это не толпа давила, а одежда.

Я подняла взгляд.

Он стоял в полушаге от меня — высокий, безукоризненно прямой, в чёрном мундире с ледяными вставками, которые ловили свет факелов и возвращали его холодным блеском. У герцога Кайрена Нордгрея были глаза... не голубые. Нет.

Голубое бывает тёплым. У него глаза были цвета глубокого льда, того, что режет ладонь, если схватиться неосторожно. Лицо — будто выточено из камня: красиво и беспощадно.

— ...брак расторгнут, — закончил нотариус.

Толпа зашевелилась. Кто-то прыснул. Кто-то ахнул так старательно, как будто репетировал заранее. Я услышала женский шёпот: «Ну наконец-то...» — и второй: «А говорят, она бесплодна...»

Я сглотнула. Слова чужие — как иглы.

— Подпись, миледи, — нотариус протянул мне перо.

Перо дрожало в руке. Не от страха — от чего-то другого, более мерзкого: от ощущения, что я здесь не человек, а предмет. Сняли с полки, показали публике, объявили негодным и готовы выбросить.

— Элария, — сказал герцог тихо, так, что только я услышала. — Не устраивай сцен.

Смешно. У меня и сил-то на сцену не было. А ещё смешнее — что язык выдал не то, что было у меня в голове.

— Сцену? — прошептала я. — Это не сцена? Это... что тогда?

Он даже не моргнул.

— Это порядок.

Я посмотрела на его руки. Перчатки. Чёрная кожа. И всё равно мне почудилось, что от них идёт мороз — сухой, чистый, убийственный. В моём мире такие руки держали стерильный инструмент: не из жестокости, а ради контроля. Но

здесь контроль был другим. Здесь он был... личным.

— Подписывай, — повторил нотариус, делая вид, что не слышит.

Я опустила перо на бумагу. В момент, когда кончик коснулся листа, по запястью будто прошёлся холодный ожог — тонкая боль, почти ласковая. Я вздрогнула.

— Что... — выдохнула я.

Нотариус чуть улыбнулся уголком губ.

— Печать развода, миледи. Чтобы ни одна сторона не могла заявить права на имущество другой. И чтобы вы... — он сделал паузу, выбирая слова так, чтобы звучало прилично, — не представлялись супругой герцога.

Толпа засмеялась — тихо, шуршаще.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки. Металл во рту. Не кровь — горечь.

— Имущество, положенное леди Элории, — продолжал нотариус, — согласно решению герцога: дом в Морозном Рейде, прилегающий участок земли, лавка при доме...

— Аптека, — поправил кто-то из толпы, громко, с удовольствием.

— ...аптека при доме, — согласился нотариус. — Также...

— Долги, — произнесла женская речь с такой сладостью, что меня передёрнуло.

Я подняла взгляд и увидела её. Красивая. Слишком красивая, чтобы быть просто зрительницей. Рыжие волосы —

как огонь среди снега, губы — красные, улыбка — победная. На шее — ожерелье из голубых камней, и каждый камень, кажется, стоил больше, чем моя жизнь.

Она встретила со мной глазами.

— Не переживай, Элария, — сказала она громко, так, чтобы слышали все. — Ты ведь любишь... заботиться. Теперь у тебя будет целая лавка, где можно заботиться о бедняках. Как благочестиво.

Кто-то захлопал. Кто-то заулюлюкал.

Я резко вдохнула — корсет упёрся в ребра, как нож.

— Имя? — тихо спросила я, больше для себя, чем для неё.

Герцог ответил за неё, не меняя выражения лица:

— Леди Селена Рейн. Моя... советница.

От слова «советница» в толпе снова прошёл смешок.

Я посмотрела на Селену, потом на герцога.

— Значит, вот так, — сказала я, и голос оказался неожиданно ровным. Наверное, это и было единственным подарком нового тела: умение держаться.

Он чуть склонил голову.

— Ты получила больше, чем заслуживаешь.

Вот тут стало по-настоящему холодно.

Я могла бы спросить: «А что я сделала?» Могла бы крикнуть, ударить, сорвать перчатки, если бы это вообще что-то изменило. Но что-то внутри — то ли Варвара, то ли Элария — шепнуло: не здесь. Не сейчас. Не при этих людях.

— Могу идти? — спросила я нотариуса.

— Разумеется, миледи. Вас проводят.

Меня «проводили» так, как выносят из зала мебель: аккуратно, но без уважения. Два стражника с герцогскими знаками шагнули по бокам, и я почувствовала себя не изгнанной женой, а опасной посылкой.

Когда меня вели по ступеням дворца, толпа шумела мне в спину.

— Бесплодная!
 — Ведьма!
 — Слышал, она пыталась его приворожить!
 — А он её... красиво. По закону!

«Красиво». Как часто люди называют насилие красивым, если оно оформлено печатями.

Внутри меня что-то ломалось — и одновременно собиралось. Я не знала, кем была Элария. Но я точно знала, кем была Варвара: женщиной, которая выживает.

Меня посадили в карету — тесную, пахнущую холодным табаком и чужими духами. Лошади тронулись.

Через маленькое стекло я ещё раз увидела герцога. Он стоял на крыльце, как статуя, и смотрел на меня так, будто я уже не существовала.

И вот тогда — впервые — мне захотелось не плакать.

Мне захотелось лечить.

Потому что если в этом мире всё решают печати и законы, то я найду то, что сильнее.

— Морозный Рейд, — сказал возница, когда карета остановилась так резко, что я ударилась плечом о стенку.

— Уже? — голос прозвучал хрипло.

— Уже. — Он открыл дверцу. Внутри ворвался ветер, пахнувший солью и снегом. Портовый холод — другой, влажный, цепкий.

Я прыгнула на землю — не слишком грациозно. Сапоги скользнули по наледи, и мне пришлось схватиться за дверцу, чтобы не упасть. Стражники, которые сопровождали карету, даже не шевельнулись помочь. Просто смотрели, как на развлечение.

Передо мной стоял дом.

Если это называлось «имущество», то герцог был либо щедрцом с извращённым юмором, либо мстительным до самой последней доски. Дом был серым, двухэтажным, с облупившейся краской. Ставни перекошены. Крыша... да, крыша явно протекала — на карнизе висели сосульки, но под ними темнели пятна сырости.

Слева к дому прилепилась лавка — вывеска покосилась, и на ней едва читались буквы: «АПТЕКА НОРДХОЛЬМ». Последнее слово было перечёркнуто временем и, возможно, людскими руками.

— Ваша... милость, — лениво сказал один из стражников. — Вот. Дом. Лавка. Ключи.

Он бросил мне связку. Я поймала её на автомате, и металл неприятно ударил по ладони холодом. В связке было три ключа: один крупный, два мелких. От мелких пахло ржавчиной.

— И всё? — спросила я.

— А чего вы ещё ждали? — усмехнулся второй. — Прислугу? Подарки? Герцог великодушен.

Он сказал «великодушен» так, будто это была шутка.

— Где документы? — спросила я, потому что Варвара внутри меня уже включила режим «проверить бумажки». — Опись имущества, записи о долгах, лицензия на торговлю...

Стражник моргнул, не понимая половины слов, но ухватился за «долги» и довольно оскалился.

— Долги — у приставов. Они скоро зайдут. Очень скоро. — Он махнул рукой в сторону улицы, где мимо дома прошла женщина с корзиной. Она взглянула на меня, быстро опустила глаза и ускорила шаг.

Соседи уже знали. Конечно, знали.

— Счастливо оставаться, миледи, — сказал первый стражник и кивнул так, как кивают тому, кто уже не считается.

Они ушли, оставляя меня на ветру, с ключами в руке и домом, который смотрел на меня пустыми окнами.

Я постояла секунду. Потом вдохнула соль и холод.

— Ладно, — сказала я вслух. — Дом. Аптека. Долги. Начинаем.

Глупо, но от собственного голоса стало теплее.

Я подошла к двери. Крупный ключ вошёл в замок с сопротивлением, будто дом не хотел впускать меня внутрь. Я повернула. Замок щёлкнул.

Дверь открылась с жалобным скрипом.

Внутри пахло старым деревом, сыростью и — неожиданно — травами. Сухими. Полузабытыми. Но всё равно травами. Это был запах работы. Запах, который не обманывает.

Я вошла.

Первое, что я увидела, — маленький коридор с вешалкой, на которой висела одна-единственная накидка. Пыльная. Тонкая. Похоже, здесь давно никто не жил нормально.

Дальше — кухня. Печь в углу, закопчённая, но целая. Стол с потёртой поверхностью. Пара стульев.

Я провела рукой по столу — пальцы сразу стали серыми. Пыль.

— Отлично, — пробормотала я. — Уютно. Как в музее бедности.

Смеха не было. Было только эхо.

Я прошла дальше — и попала в лавку.

Аптека.

Полки вдоль стен. Стекланные банки. Некоторые пустые, некоторые с остатками порошков. Бумажные пакетики, подписанные аккуратным почерком: «Сушёная мята», «Корень горечавки», «Смола ели». И среди этого — коробки, перевязанные верёвкой, как будто кто-то собирался уехать и так и не уехал.

На прилавке лежала книга учёта. Я раскрыла её, и сердце сжалось: цифры были чужие, но смысл я поняла мгновенно.

Минус.

Большой жирный минус.

— Твою... — вырвалось у меня, и я осеклась, потому что в этом мире такие слова могли быть неуместны. Но очень хотелось.

За прилавком была дверь в маленькую комнату — наверное, склад или кабинет. Я открыла её и увидела ещё одну книгу. И ещё. И стопку писем.

Я взяла верхнее письмо. Бумага была дешёвая, но печать — официальная. Я не знала, как читается местная канцелярщина, но слова «требование», «срок» и «изъятие» понимались без перевода.

— Значит, так, — сказала я. — Дом — с дырявой крышей. Аптека — с дырявой кассой. И я — с дырявой жизнью.

Я положила письмо на стол.

И тут услышала звук.

Не шаги. Не скрип. Не ветер.

Кашель.

Тихий, сдавленный, как будто кто-то пытался кашлять без звука.

Я замерла.

— Эй? — произнесла я и сама удивилась, как спокойно это прозвучало. — Здесь кто-то есть?

Ответа не было.

Кашель повторился — дальше, из глубины дома. С лестницы на второй этаж.

Я взяла со стойки деревянную ступку — первое, что по-

палось под руку, и пошла к лестнице. Ступка была тяжёлая. Неплохое оружие для аптекаря, если подумать.

Лестница скрипела на каждом шаге, выдавая меня. Отлично.

На втором этаже был коридор и две двери. Одна приоткрыта.

Кашель донёсся оттуда.

Я подошла, толкнула дверь.

Комната была маленькая. Кровать. Тонкое одеяло. Окно, заклеенное бумагой, чтобы не дуло. И в углу — движение.

Я увидела человека — маленького. Не взрослого. Ребёнка.

Он сидел на полу, прижавшись спиной к стене, и смотрел на меня огромными глазами. Лицо бледное, губы синеватые. Волосы тёмные, но на висках — белые пряди, словно их тронул мороз.

— Ты кто? — спросила я, стараясь сделать голос мягким. Ребёнок не ответил. Только сильнее прижал к себе руки.

— Я не причиню тебе вреда, — сказала я. — Я... хозяйка дома.

Это слово прозвучало странно, как чужое платье.

Мальчик шевельнулся. И я увидела его запястье.

На коже, чуть выше ладони, была метка.

Не синяк. Не родимое пятно.

Тонкая, четкая, будто выжженная морозом линия — символ, похожий на снежинку, но в центре у неё был маленький знак, как клыки или когти. Я не знала гербов, но нутром по-

няля: это не просто рисунок. Это печать.

И от неё шёл холод. Настоящий. Я почувствовала его на расстоянии, как сквозняк.

Мальчик тихо всхлипнул — и снова кашлянул. Из рта у него вылетел белый пар, хотя в комнате было не так уж холодно.

«Белый мороз», — всплыло в голове, хотя я ещё не знала этого слова. Но я знала симптомы отравления. Знала, как дыхание становится ледяным, когда тело пытаются остановить изнутри.

— Ты болен, — сказала я.

Мальчик, наконец, прошептал:

— Не отдавайте меня...

— Кому? — спросила я, приседая, чтобы быть на его уровне.

Он посмотрел на меня так, будто в этом взгляде было всё: страх, просьба, отчаяние и тайна.

— Снежным, — выдохнул он. — Они... придут. И тогда... он узнает.

— Кто “он”? — шепнула я.

Мальчик сжал пальцы, и метка на запястье словно вспыхнула льдом.

— Дракон, — сказал он. — Ледяной.

Внизу, в лавке, что-то глухо стукнуло — будто дверь закрылась сама собой или кто-то вошёл в дом.

Я резко подняла голову, прислушиваясь.

Тишина.

А потом — шаги.

Тяжёлые.

Не детские.

И не мои.

Я медленно встала, крепче сжимая ступку, и посмотрела на мальчика.

— Тихо, — прошептала я. — Спрячься.

Он не двинулся, только смотрел. Как будто понимал: прятаться уже поздно.

Шаги поднимались по лестнице.

Скрип. Скрип. Скрип.

И в каждом скрипе было одно и то же: меня нашли.

Глава 2. Аптека опальной

Шаги поднимались по лестнице — тяжёлые, уверенные, будто человек заранее знал, что имеет право на каждый скрип этой гнилой древесины. Я сжала ступку так, что костяшки побелели, и заслонила мальчика собой.

— За шкаф, — шепнула я, не оборачиваясь. — Быстро. И молчи.

Он не двинулся. Только смотрел на меня огромными глазами, в которых было слишком много взрослого страха для такого маленького лица.

— Ну же, — я сделала шаг назад, почти наступив ему на пальцы. — Ты хочешь, чтобы тебя нашли?

Только тогда он сорвался с места — скользнул в угол, где стоял старый платяной шкаф без одной дверцы, и забился за него, прижав ладони к груди. Метка на запястье на миг вспыхнула ледяной белизной — и тут же потухла, словно он сам испугался собственного света.

Скрип. Ещё скрип.

Я подняла ступку повыше. На моём месте в прошлой жизни я бы взяла что-то более практичное — хотя бы швабру. Но ступка — тоже неплохо. Если вмазать правильно, можно отправить любого “гостя” в глубокие фармацевтические раздумья о смысле жизни.

Дверь в коридоре наверху толкнули без стука.

— Леди Элария Нордхольм? — раздался мужской голос снизу, но близко, будто говоривший стоял уже на площадке. — По распоряжению городской канцелярии. Пристав.

Я замерла. Пристав — это звучало как “ничего хорошего”, даже без словаря.

— Здесь, — отозвалась я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

В дверном проёме появился мужчина лет сорока с лишним, в тёмном плаще, отряхивающем снег. На шее — цепочка с медным жетоном, на пальцах — перстни. Лицо — широкое, сытое, глазки мелкие, цепкие. Не бандит, нет. Чиновник. А чиновник страшнее: он не бьёт тебя кулаком — он бьёт тебя печатью.

За его спиной стояли двое — здоровые, в кожаных куртках, с короткими дубинками на поясе. С такими в порту “помогают” убедиться, что ты правильно понимаешь закон.

— Я — пристав Гренн, — сообщил мужчина, будто представлялся на балу. — Уполномочен произвести опись имущества и уведомить о взыскании по долгам лавки “Аптека Нордхольм”.

Я автоматически опустила взгляд на его руки — нет ли там бумаги, печати, приказа. Профессиональная привычка. И ещё — на его дыхание. Тёплое. Обычное. Не белый пар.

— Опись? — повторила я.

— Не притворяйтесь, миледи, — Гренн улыбнулся так, словно мы с ним давно друзья. — Долги — дело неприят-

ное, но понятное. У вас, как я понимаю, положение... особое. Поэтому канцелярия велела не затягивать.

Он сделал шаг внутрь комнаты, будто уже хозяйничал.

Я подняла ступку чуть выше.

— Ещё шаг — и у вас будет... особое положение, — сказала я ровно.

Один из здоровяков хохотнул.

— Слышь, пристав, она правда думает, что этой миской нас остановит.

— Ступкой, — поправила я автоматически.

Гренн моргнул.

— Простите?

— Это ступка, — пояснила я, и сама чуть не рассмеялась от абсурда. — Миской суп не едят.

— Миледи, — Гренн втянул воздух, собирая терпение, — вы не на кухне. Я пришёл не спорить о посуде.

— А я не собираюсь спорить о моём доме с человеком, который входит без приглашения, — я шагнула вперёд, так чтобы оказаться прямо перед ним. — Документы.

Он прищурился, но всё же вынул из внутреннего кармана бумаги. Развернул так, чтобы я увидела печать — городскую.

— Уведомление о взыскании. Опись. И, если потребуется, — распоряжение на опечатывание лавки. Срок — до заката сегодня.

— До заката? — я почувствовала, как во мне поднимается злость. Не истерика, нет. Холодная, ясная злость. — Я при-

ехала... сегодня. Я даже не успела снять пальто, которого у меня нет. И вы уже хотите опечатать?

— Время — деньги, миледи, — сказал Гренн, и его улыбка стала слаще. — А долги — это тоже деньги, только чужие. Я выдохнула.

— Сколько?

— По основному долгу — сто сорок две кроны. Плюс пени. Плюс сбор канцелярии за взыскание. Итого — сто девяносто девять крон и восемь медяков.

Я понятия не имела, много это или мало. Но по тому, как Гренн это произнёс — словно приговаривал — много. Достаточно, чтобы человек без связей и поддержки начал задыхаться.

— Я могу взглянуть на книги учёта? — спросила я.

— Можете, — он пожал плечами. — Но вас это не спасёт.

— Я не просила оценку моих шансов, — я заставила себя улыбнуться. — Я просила книги.

Гренн снова моргнул, словно не ожидал вежливости.

— Вы... действительно хотите разбираться?

— Я действительно хочу жить, — сказала я. — И чтобы меня не съели в первый же день.

Один из здоровяков фыркнул.

— Тебя уже съели, леди. Тебя просто доели красиво.

Я резко повернулась к нему, и он замолчал — не потому что испугался ступки, а потому что в моём взгляде было что-то, чего он не хотел трогать.

— Ладно, — Гренн хлопнул бумагами по ладони. — Опись можно провести сейчас. Потом спущусь в лавку. А к закату... — он развёл руками. — Или деньги, или печать.

— И вы будете ходить по дому? — спросила я.

— По дому и по лавке, — подтвердил он. — Всё имущество подлежит учёту. Если вы вдруг решите что-то... спрятать.

Я почувствовала, как кожа на спине стала ледяной. Шкаф. Мальчик. Его метка. Его белый пар.

— Только быстро, — сказала я. — И вы не трогаете личные вещи.

— Какие у вас личные вещи, миледи? — Гренн усмехнулся, оглядывая комнату с голой кроватью. — Пыль?

Я прикусила язык. И жестом указала на дверь.

— Проходите. Опишите.

Они прошлись по комнате. Гренн записывал: “кровать — одна”, “одеяло — одно”, “шкаф — старый, повреждён”. Когда он подошёл к шкафу, у меня внутри что-то оборвалось.

— А там что? — спросил он, заглядывая в темноту.

Я шагнула ближе.

— Пусто.

— Проверим, — спокойно сказал Гренн.

— Нет, — сказала я так же спокойно.

Один из здоровяков сделал движение, но я подняла ступку выше и улыбнулась.

— Я ударю, — сказала я мягко. — И, поверьте, я умею по-

падать в места, после которых люди начинают уважать личное пространство.

Гренн пристально посмотрел на меня, затем на ступку, затем снова на меня. И впервые его улыбка стала не уверенной, а осторожной.

— Миледи... — начал он.

— Вы пристав, не палач, — перебила я. — Опись не требует выворачивать каждую щель. Шкаф повреждён. Там плесень. Хотите — нюхайте. Но руками — нет.

Гренн секунду молчал. Потом сделал вид, что ему всё равно.

— Ладно. Шкаф... повреждён. Записал.

Я не вдохнула — я проглотила воздух.

— Внизу, — сказал он. — Лавка.

Мы спустились. Я чувствовала спиной взгляд мальчика из-за шкафа, словно он цеплялся за меня невидимой ниткой.

В аптеке Гренн оживился. Видимо, надеялся найти что-то ценное. Полки, банки, ступки (да, мои “миски”), книги, коробки. Он щёлкал пальцами, велел своим “помощникам” заглядывать в ящики.

— Хм, — пробормотал он, поднимая банку с порошком и читая подпись. — “Соль снежника”. Это что?

Я протянула руку, чтобы взять банку, но он отдёргнул.

— Не трогайте. Я спрашиваю.

Я взглянула на белый порошок. В прошлой жизни это могло быть что угодно — от соды до смертельного яда. Здесь —

ещё хуже: неизвестность.

— Я только вошла, — сказала я. — Я не знаю.

— Удобно, — Гренн улыбнулся снова. — “Не знаю”. “Не помню”. “Не я”. Я уже слышал.

Я наклонилась ближе, приняхалась. Запаха почти не было — сухой холод, как от снега, который лежит в тени.

— Это может быть компонент для согревающих смесей, — сказала я, выбирая слова. — Или наоборот.

— “Или наоборот”, — повторил Гренн с удовольствием. — Отлично. Запишем как “алхимический реагент”.

Он поставил банку обратно и хлопнул ладонями.

— Значит так. Опись проведена частично. Я вернусь к кату. Если не будет денег — лавка будет опечатана. И дом тоже, чтобы вы не... — он сделал паузу, — не продолжали торговлю тайно.

— Мне где жить тогда? — спросила я.

— Это уже не мой вопрос, — сказал он легко. — В городе есть приют для... потерявших имущество. Или вы можете обратиться к вашему бывшему супругу. Хотя... — он хмыкнул, — сомневаюсь, что он вас ждёт.

Он повернулся к выходу, но на пороге остановился.

— И совет, миледи, — сказал он тихо, будто делая добро. — Не лезьте в дела “Снежных”. Здесь, в Морозном Рейде, некоторые долги собирают не только мы.

— “Снежные”? — переспросила я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

Гренн посмотрел на меня так, будто проверял, насколько я глупа.

— Люди герцога. Его стража. Его... — он усмехнулся, — холодные руки. Они не любят лишних вопросов.

И ушёл.

Дверь хлопнула, и в аптеке стало на секунду тише, чем должно быть. Даже ветер словно замолчал, чтобы послушать моё дыхание.

Я опустила ступку на прилавок. Ладони дрожали.

— Отлично, Варвара, — пробормотала я. — Ты снова в новом мире, и первый же клиент — пристав.

Сверху раздался шорох.

— Спускайся, — сказала я громче. — Всё ушли.

Мальчик появился на лестнице осторожно, как зверёк. Спустился на две ступеньки — остановился, будто ожидал удара. Потом ещё две. И наконец подошёл ближе.

— Они... — он сглотнул. — Они вернутся?

— Да, — сказала я честно. — К закату.

Он побледнел ещё сильнее. Белый пар вырвался изо рта.

— Тебе плохо, — я наклонилась к нему. — Сядь.

— Не надо, — прошептал он. — Я... привык.

Это было страшнее, чем любой пристав.

— Привыкать к такому нельзя, — я взяла его за плечи и усадила на табурет. Он был лёгкий — слишком лёгкий. — Как тебя зовут?

Он замаялся.

— Не помню, — сказал он и тут же отвёл глаза. Лгал или правда — неважно. Он боялся имени.

— Ладно, — я не стала давить. — Пока будешь “малыш”.
Согласен?

Он кивнул едва заметно.

Я распахнула один из ящиков под прилавком. Там лежали остатки трав: мята, что-то горькое, что-то с сильным хвойным запахом. Я вытащила пакетик “смола ели”, потом “корень горечавки”.

— Мне нужна горячая вода, — сказала я сама себе. — И печь.

Мы пошли на кухню. Печь была холодная, но дрова нашлись — сырые, половина трухи. Я выругалась про себя, потом вспомнила, что ругательства не согревают, и начала действовать.

— Ты умеешь разводить огонь? — спросила я.

Мальчик посмотрел на меня так, будто вопрос был из другого мира.

— Умею молчать, — сказал он.

— Это уже талант, — вздохнула я. — Ладно. Сиди и грей руки.

Я разожгла печь так, как делала это в детстве у бабушки — бумага, щепки, терпение. Огонь сначала сопротивлялся, потом загорелся. Тепло пошло по комнате тонкой струйкой.

Пока вода закипала, я перебрала травы на столе. Мне нужно было что-то согревающее, что-то разгоняющее кровь,

что-то, что выгоняет “холод” изнутри. В моём мире я бы дала горячее питьё, проверила бы температуру, измерила бы сатурацию. Здесь — травы, дым, ощущение.

— Ты давно так кашляешь? — спросила я, раздавливая смолу в ступке.

— Долго, — ответил он.

— Долго — это сколько?

Он пожал плечами.

— Пока меня... несли.

— Несли куда?

Он снова замолчал. Губы упрямо сжались.

Я не стала давить. Дала себе секунду — и вспомнила слова Гренна: “не лезьте в дела Снежных”. В этом городе, выходит, не только долги собирают быстро.

Вода закипела. Я бросила в кружку щепотку горечавки, чуть смолы, пару листков мяты — для вкуса и чтобы не вырвало сразу. Пахло странно: горько, хвойно, чуть сладко.

— Пей маленькими глотками, — сказала я, протягивая кружку.

Он посмотрел на неё, как на яд.

— Ты думаешь, я тебя отравлю? — спросила я тихо.

Он молчал.

Я вздохнула, взяла кружку и сделала глоток сама. Горько так, что глаза заслезились. Отлично. Значит, точно лекарство.

— Теперь ты, — сказала я и протянула ему снова.

Он взял кружку обеими руками и сделал маленький глоток. Поморщился. Сделал ещё.

Белый пар изо рта стал чуть менее плотным. Или мне хотелось так думать.

— Теплее? — спросила я.

— Жжёт, — прошептал он.

— Значит, живой, — сказала я. — Если бы не жгло, было бы хуже.

Он впервые посмотрел на меня чуть иначе — как на человека, который не просто спрашивает, а делает.

Я оставила его у печи, а сама вернулась в аптеку. Время тикало. Закат — это не метафора, это вполне конкретная печать на двери и “прощай, жизнь”.

Я раскрыла книгу учёта. Цифры были кривые, но понятные: долги за поставки трав, долги за стекло, долги за аренду торгового места на рынке. И ещё одна строчка — самая жирная: “Сбор гильдии алхимиков”.

— Гильдия... — пробормотала я. — Конечно.

В моём мире была фармкомпания, контролирующая рынок. Здесь — гильдия. Суть та же, только магии больше.

Я нашла письма. Одно — от поставщика стекла: “если не заплатите, заберём банки”. Второе — от гильдии: “лишение права торговли”. Третье — с пометкой “срочно”: “по городу распространяется белый мороз. Гильдия берёт дело под контроль. Частным лавкам запрещено выдавать согревающие смеси без допуска”.

Я перечитала ещё раз.

Запрещено. Без допуска.

— Вот оно что, — прошептала я. — Люди мёрзнут изнутри, а вы делите лицензии.

Я подняла руку к запястью, где после развода осталась печать — тонкое холодное жжение. Оно будто отзывалось на слова “запрещено”. В этом мире меня уже один раз “запретили” — как жену. Теперь хотят запретить как аптекаря.

Я захлопнула книгу.

— Не выйдет.

Я пошла на склад и начала инвентаризацию так, как делала это когда-то в аптеке в своём мире: полка за полкой, банка за банкой. Пусто. Мало. Старое.

Но были и находки: маленький мешочек с сухими красными ягодами — острый запах, почти перец. Я улыбнулась.

— Огневика, — прочитала я подпись. — Отлично. Ты мне годишься.

Был ещё пузырёк с густой тёмной жидкостью без подписи. Я понюхала — и сразу отдёрнула: резкий холодный запах, как от мокрого железа.

Я поставила его обратно. Не трогать. Пока.

Сверху слышался кашель. Я подбежала, но мальчик уже стоял на пороге кухни, держась за косяк.

— Можно... воды? — спросил он тихо.

— Конечно, — сказала я и вдруг поняла, что в доме нет нормального кувшина. Всё разваливается не “глобально”, а

по мелочам: нет полотенца, нет чистой тряпки, нет нормального ведра.

И всё это — тоже быт. Тоже работа. Тоже жизнь.

— Я схожу на рынок, — сказала я ему через десять минут, когда он снова сидел у печи. — Куплю еды. И трав. И, может быть, найду, как заработать хоть что-то до заката.

Он напрягся.

— Одна?

— А ты хочешь со мной? — спросила я, и тут же пожалела, увидев его лицо. Он не хотел никуда. Он хотел не быть найденным.

— Сиди здесь, — сказала я мягче. — Запри дверь изнутри. Никому не открывай. Даже если скажут, что принесли... что угодно.

Он кивнул.

— А если... они?

— Тогда спрячься туда же, — я кивнула вверх. — И молчи. Как ты умеешь.

Он снова кивнул — как взрослый, который слишком рано научился слушаться ради выживания.

Я накинула ту самую пыльную накидку из коридора, завязала волосы и вышла на улицу.

Морозный Рейд встретил меня запахом рыбы, дыма и мокрого снега. Улицы были узкие, дома — будто прижаты друг к другу, чтобы не замёрзнуть. Люди шли быстро, головы опущены, разговоры короткие.

И всё равно я чувствовала взгляды. Они узнавали меня. Или чувствовали “опальную”.

— Это она? — шепнула женщина в платке другой.

— Та самая... — ответили ей.

Я сделала вид, что не слышу. В прошлой жизни я работала в аптеке в маленьком районе — я умела не реагировать на чужие разговоры. Там сплетничали про соседей. Здесь — про герцогов и разводы. Суть опять та же.

Рынок был у порта — навесы, лотки, крики продавцов. Травники стояли отдельно — подальше от рыбы. Запахи смешивались, и голова кружилась.

— Травы! Согревающие! От кашля! — кричала женщина с красными руками.

Я подошла к её лотку. На доске лежали связки сухих стеблей, корешки, мешочки.

— Огневика есть? — спросила я.

Женщина подняла глаза, и на секунду её лицо вытянулось.

— Ох... миледи.

— Не миледи, — сказала я. — Просто... хозяйка аптеки. Мне нужно покупать. Не кланяться.

Она моргнула, потом хмыкнула:

— Ну-ну. Хозяйка. У тебя денег-то хватит, хозяйка?

— Если нет — найду, чем расплатиться, — ответила я. — Работой, например.

Она фыркнула, но огневику показала.

— Две кроны за связку, — сказала она.

— Две? — я прищурилась. — Это огневика или золото?

— Это мороз, — ответила она, не моргнув. — В этом году огневика мало. Всё выжгло.

— Что выжгло?

Она посмотрела на меня так, будто я притворяюсь глупой.

— Белый мороз, что ж ещё. Люди берут согревающие сборы мешками. А потом... — она наклонилась ближе, понизила голос, — потом всё равно мрут. Потому что это не простуда, миледи.

Я ощутила, как по позвоночнику пробежал холод.

— Откуда ты знаешь?

— Я вижу, — женщина ткнула пальцем в сторону порта. — Вон, вчера тащили рыбачка. Синий, как лёд. Пил гильдейское “Согрев-стандарт”. А толку? Только деньги забрали.

— Гильдейское... — повторила я.

— Ага, — она сплюнула в снег. — Нам травы продавать нельзя без их дозволения, а они своё варево толкают, и люди верят — “официальное” же.

Я сжала кулаки в карманах. Детективная нитка натягивалась сама собой: запреты, гильдия, белый мороз, деньги.

— Слушай, — сказала я, — если я... сделаю сбор, который поможет, ты скажешь людям?

Женщина рассмеялась — коротко, зло.

— Если поможет — люди и сами узнают. Только ты осторожней. Гильдия не любит, когда у неё забирают хлеб.

— Хлебом у вас называют человеческие жизни? — вырва-

лось у меня.

Она снова посмотрела внимательнее, и в её взгляде мелькнуло что-то вроде уважения.

— Ладно, хозяйка, — сказала она наконец. — За связку огневики — полторы кроны. И не говори, что я добрая. Я просто не люблю гильдейских.

— Договорились, — я полезла в карман и обнаружила... пустоту.

Конечно. У меня не было денег. Ни крон, ни медяков. Бывшая герцогиня, опальная, с пустыми карманами.

— Я... — я сглотнула. — Я отдам позже.

— Угу, — женщина скрестила руки. — “Позже”. Знаю я это “позже”.

Я быстро огляделась. На соседнем лотке продавали рыбу, на другом — хлеб. Везде деньги. Везде “сейчас”.

— Я могу помочь, — сказала я. — Прямо сейчас. У вас есть кто-то больной? Кто кашляет белым паром?

Женщина замерла, потом кивнула в сторону:

— Вон тот, — она кивнула на мужика у бочки. Он стоял, держась за грудь, и дышал часто, неглубоко. Лицо у него было серое. Когда он кашлянул, изо рта вылетел белый пар — густой, словно дым.

— Эй! — крикнула женщина. — Тарн! Иди сюда!

Мужик повернул голову, шагнул — и пошатнулся.

— Не... могу... — выдохнул он.

Люди вокруг отступили. Страх — зараза. Не хуже болез-

ни.

Я подбежала к нему, схватила за руку. Кожа была холодная, как у покойника, но сердце билось.

— Сядь, — сказала я. — Сюда. На ящик.

— Не надо... — он попытался отмахнуться.

— Надо, — я была тверже, чем чувствовала. — Ты хочешь упасть лицом в рыбу?

Он слабо усмехнулся и всё же сел.

— Что делать? — спросила женщина-травница уже другим тоном — не торговым, а человеческим.

Я быстро, почти механически, стала думать: согреть, разогнать, облегчить дыхание. В моём мире я бы вызвала скорую. Здесь — я сама “скорая”.

— У тебя есть горячая вода? — спросила я у травницы.

— Есть кипяток в котелке, — она ткнула пальцем за лоток.

— Мёд? — спросила я у соседки, продающей хлеб и сладости.

— Есть, — та настороженно кивнула.

— Острое? — я огляделась.

— Перец есть! — крикнул кто-то.

— Дайте щепотку, — сказала я.

Люди зашевелились. Кто-то подал кружку, кто-то — ложку. Я ссыпала в кружку щепотку огневика, капнула мёда, бросила крупинку перца, залила кипятком. Размешала.

— Пей, — сказала я Тарну. — Маленькими глотками. И

дыши медленно. Не глотаешь воздух — дышишь.

— Ты кто... — прохрипел он.

— Аптекарь, — сказала я. — Пока ещё.

Он сделал глоток. Лицо перекосилось.

— Горько...

— Терпи, — сказала я, и это прозвучало не жестоко, а по делу. — Второй глоток.

Он выпил ещё. Кашель накрыл его, но уже другой — влажнее, “живее”. Белый пар стал тоньше.

— Ого... — прошептала травница.

— Ему нужно тепло, — сказала я. — И не гильдейское варево. И никакого алкоголя.

— А что тогда? — спросила женщина из толпы.

Я подняла голову и увидела, что вокруг нас собрались люди. Слухи на рынке рождаются быстрее, чем снежинки.

— Согревающий сбор, — сказала я. — Но не один огневик. Нужна ещё смола, горечь, мята... И главное — дозировка.

— Дозировка? — переспросили.

— Количество, — поправилась я. — Иначе можно сжечь желудок, а белый мороз останется.

Кто-то перекрестился. Кто-то прошептал: “ведьма...”

Травница наклонилась ко мне.

— Ты правда из аптеки Нордхольм?

— Да, — сказала я. — И у меня долги. До заката.

Она посмотрела на Тарна, который уже дышал ровнее, и

вдруг быстро сунула мне в ладонь связку огневика.

— Бери, — сказала она. — В долг. Только... — она понизила голос, — осторожней. Сейчас тебя увидели.

— Пусть, — сказала я.

— Дурная, — пробормотала она, но в глазах у неё было что-то тёплое.

Я поблагодарила, схватила ещё пару мешочков с травами, которые она сунула “впридачу”, и почти бегом пошла домой.

В голове стучало одно: закат. печать. мальчик.

И ещё — “Снежные”.

Когда я вернулась, дверь была заперта изнутри. Хорошо. Значит, мальчик слушался.

— Это я, — сказала я. — Открывай.

Щёлкнул замок. Мальчик выглянул — бледный, но живой.

— Ты... вернулась, — сказал он так, будто не верил.

— Я обещала, — ответила я, входя. — А я не люблю нарушать обещания.

Я разложила травы на столе.

— Ты ел? — спросила я.

Он покачал головой.

— Тогда сейчас будет... каша? — я оглядела кухню. — Если найду хоть что-то, что можно назвать кашей.

В шкафу нашлась крупа — старая, но не испорченная. Я поставила горшок на печь, добавила воды, щепотку соли. Запах был бедный, но настоящий. Быт начинается с простого:

чтобы было чем жить.

Пока каша варилась, я смешивала сборы, делала маленькие пакетики из старой бумаги, подписывала — аккуратно, чтобы самой не перепутать. Руки двигались быстро, привычно. В этот момент я почти забывала, что я — “опальная”. Я была аптекарем.

В дверь постучали.

Я вздрогнула.

— Кто? — крикнула я, вытирая руки о юбку.

— Пристав, — ответили снаружи.

Слишком рано.

Я посмотрела в окно. Небо уже начинало темнеть — зимний день короткий. Гренн стоял на крыльце и улыбался так, будто пришёл за своей любимой игрушкой.

— Не открывай, — шепнул мальчик и вцепился мне в рукав.

— Я открою, — сказала я тихо. — Но ты — наверх. Сейчас.

Он замотал головой, но я наклонилась и строго сказала:

— Спрячься. И молчи.

Он сорвался с места, как тень, и исчез на лестнице.

Я открыла дверь.

— Миледи, — Гренн вошёл, не дожидаясь приглашения.

— Закат близко. Деньги?

Я протянула ему ладонь. В ней было... три кроны и горсть медяков — всё, что мне дали на рынке “на сдачу” за помощь.

Крохи. Смешно.

— Это аванс, — сказала я. — И доказательство, что я могу зарабатывать. Дайте мне неделю.

Гренн посмотрел на монеты, будто на оскорбление.

— Неделю? — он рассмеялся. — Вы думаете, канцелярия ждёт, пока вы будете играть в лавочку?

— Я не играю, — сказала я. — Я лечу. Люди болеют. “Белый мороз” — не шутка. Если вы опечатаете аптеку, куда они пойдут?

— К гильдейским, — спокойно ответил он.

— К тем, от чьего “официального” варева они мрут? — я сделала шаг ближе. — Вы знаете, что происходит на рынке?

Гренн чуть прищурился.

— Миледи, осторожней с обвинениями. Гильдия — не ваш бывший муж. Её печати куда больней.

— А мои люди? — спросила я резко. — Мой город? Я теперь здесь. И я не хочу, чтобы он умер изнутри, пока вы считаете медяки.

Гренн помолчал. Я видела, как в нём борются два чувства: желание поставить меня на место и желание... не выглядеть полным идиотом, если вдруг правда начнёт пахнуть.

— Неделя — нет, — сказал он наконец. — Три дня.

— Три дня — и что?

— И вы приносите хотя бы половину суммы, — Гренн улыбнулся. — Или я ставлю печать.

— Три дня, — повторила я, как будто проверяла дозирова-

ку. — Хорошо. Но сегодня вы ничего не печатываете.

— Сегодня я могу печатать прямо сейчас, — мягко напомнил он.

— Можете, — согласилась я. — Но тогда завтра на рынке будет не один Тарн, а десять. И кто-нибудь спросит, почему пристав закрыл единственную аптеку, где помогают.

— Тарн? — Гренн поднял бровь. — Вы уже знакомы с Тарном?

Я внутренне выругалась. Слишком много сказала.

— Случайно, — сказала я ровно. — Он кашлял белым паром. Я дала согревающий настой. Ему стало легче.

— Миледи, — Гренн вздохнул. — Вы либо глупая, либо смелая. А чаще это одно и то же.

— Тогда считайте меня глупой, — сказала я. — И дайте мне три дня.

Он посмотрел на меня долго. Потом вдруг сделал шаг в сторону лестницы.

— А кто у вас наверху? — спросил он лениво, будто просто интересовался.

У меня сердце ударило где-то в горле.

— Никого.

— Странно, — Гренн поднял голову. — Мне показалось, кто-то бежал. Дети, наверное? Или... мыши?

Он сделал шаг к лестнице.

— Не надо, — сказала я, и голос сорвался.

Гренн остановился. Улыбка стала шире.

— Ага. Значит, всё-таки “не мыши”.

Сверху раздался тихий кашель. Белый пар — я почти видела его в воображении.

Гренн медленно повернулся ко мне.

— Миледи... — сказал он, уже другим тоном. — Вы понимаете, что укрывать кого-либо без регистрации — нарушение? Особенно... — он сделал паузу, — если этот кто-либо интересен “Снежным”.

Мир сузился до одной мысли: он знает.

— Я никого не укрываю, — сказала я.

Гренн шагнул к лестнице, и я бездумно встала перед ним.

— Отойдите, — сказал он, и в голосе мелькнул металл. —

Не заставляйте меня звать стражу.

— А если я заставляю? — спросила я, и сама удивилась собственной наглости.

Гренн наклонился ближе.

— Тогда придут не городские, — прошептал он. — Тогда придут “Снежные”. И поверьте, миледи, они забирают не только имущество.

Сверху — шорох. Тихие шаги. Мальчик, вопреки всему, спустился на пару ступенек. Он стоял там, в полумраке, маленький и отчаянный, и смотрел на пристава так, будто видел в нём не человека, а дверь в кошмар.

— Вот он, — спокойно сказал Гренн, и его взгляд стал хищным. — Я так и думал.

Мальчик сжал запястье второй рукой, будто хотел спря-

тать метку. Но она всё равно светилась сквозь кожу — холодно, бело.

— Миледи, — Гренн выпрямился. — Вы даже не представляете, во что влезли. Это — не просто ребёнок. Это... — он сделал паузу, — дело герцога.

У меня внутри что-то щёлкнуло. “Герцога”. Одного-единственного, чьё имя я уже слышала сегодня слишком много раз.

Мальчик посмотрел на меня. Губы дрогнули.

— Пожалуйста... — прошептал он и, почти не слышно, добавил имя, как заклинание, как последний шанс: — Кайрен...

Я замерла.

— Не отдавайте меня “Снежным”, — выдохнул он. — Он... он не должен узнать.

Глава 3. Белый мороз и чёрная печать

— Не отдавайте меня “Снежным”, — выдохнул мальчик.

— Он... он не должен узнать.

Гренн смотрел на него, как на мешок с золотом, который сам подполз к его сапогам. А я — как на живое существо, которое пытаются превратить в строку в ведомости.

— Миледи, — пристав заговорил мягко, почти участливо, — вы же умная женщина. Вы понимаете, что держать у себя... *это* — не просто риск. Это приглашение на казнь.

— “Это” — ребёнок, — сказала я. — Не вещь.

Гренн усмехнулся, не отрывая взгляда от ледяной метки на тонком запястье.

— В этом городе вещи иногда живут дольше людей. А этот ребёнок... — он сделал паузу и качнул головой. — Он принадлежит герцогу.

— Люди не принадлежат, — сказала я, чувствуя, как ступка в моих руках снова становится тяжёлой и очень убедительной.

— Ох, миледи, — вздохнул Гренн. — Сразу видно: вы здесь недавно.

Он шагнул на ступеньку ближе, и мальчик инстинктивно отступил, прижимая руку к груди. Метка сверкнула белым.

В моей памяти вспыхнул зал дворца, перо, печать развода на моём запястье — и то же самое холодное жжение, как поцелуй ножа.

— Вы хотите его забрать? — спросила я.

— Я хочу сделать так, чтобы меня не сняли с должности, — спокойно ответил Гренн. — И чтобы вы остались живы. Это, знаете ли, тесно связано.

— Не делайте вид, что вы меня спасаете, — сказала я. — Вы пришли за печатью на дверь. А нашли ребёнка и теперь думаете, как бы на этом заработать.

Один из его громил хохотнул, но тут же замолчал, когда я на него посмотрела.

Гренн не обиделся. Он только поправил плащ.

— Заработать? Возможно. Но главное — не попасть под “Снежных”. Вы слышали, как они ходят? Не как люди. Как... — он понизил голос, — как мороз по стеклу. Тихо. И уже поздно, когда увидишь.

Мальчик вздрогнул всем телом.

— Не пугайте его, — сказала я резко.

— Я пугаю вас, — поправил Гренн. — Его уже пугали. Итак. Варианты. Первый: вы отдаёте ребёнка мне, я делаю вид, что нашёл его сам, и утром он уже в руках тех, кто знает, что с ним делать. Второй: вы прячете его, а я уйду и пишу рапорт — и к утру “Снежные” сами ломают вам дверь.

— Третий вариант? — спросила я, хотя прекрасно понимала, что “третий” в их мире — это обычно “плохой для те-

бя”.

Гренн улыбнулся:

— Вы учитесь.

Я молчала.

— Третий, — сказал он, — вы регистрируете его. Как... найденного. Как сироту. Да, да, не смотрите так — есть такая процедура. Канцелярия выдаёт временную бумагу. Бумага — щит. Не абсолютный, но щит. Без бумаги вас можно забрать просто потому, что кому-то захотелось. С бумагой — уже придётся объяснять.

— И вы готовы помочь мне с бумагой? — спросила я.

— Я готов помочь себе, — честно сказал Гренн. — Вы оформляете ребёнка через мою контору. Я получаю сбор за оформление. И... — он наклонился ближе, — вы не держите меня за дурака и не скрываете от меня, что эта метка означает.

— А что она означает? — спросила я.

Гренн посмотрел на мальчика, потом на меня.

— Это знак дома Нордгреев, миледи. Знак крови. Вы ведь были... — он усмехнулся, — частью этого дома. Неужели не узнаете?

Я сжала зубы. Я была “частью” ровно до того момента, пока герцогу не стало удобно выкинуть меня на мороз.

— Узнаю, — сказала я. — И именно поэтому я не отдам его “Снежным”.

— Тогда бумага, — отрезал Гренн. — И быстро. Завтра

утром я приду с бланками. И если ребёнок исчезнет — я умою руки. Поняли?

— Поняла, — сказала я. — А что с долгом?

— Долг — отдельно, — Гренн будто даже обрадовался, что можно вернуться к любимому. — Три дня. Половина суммы. Иначе печать.

— Я работаю, — сказала я. — Я уже заработала сегодня.

— Три кроны и горсть медяков? — он фыркнул. — Миледи, я видел, как тонут корабли. Они тоже начинали с “я уже набрал воды в ведро”.

Я не отвела взгляд.

— Тогда вы увидите, как спасают лавки, — сказала я.

Гренн секунду смотрел на меня, будто пытался понять, издеваюсь я или правда настолько упрямая. Потом хлопнул ладонями.

— Ладно. На сегодня я ухожу без печати. Но запомните: я сделал вам одолжение, и одолжения в Морозном Рейде всегда возвращают. Деньгами. Или кровью.

Он развернулся к своим громилам.

— Пошли.

Они вышли, оставив после себя запах мокрой шерсти и чужой уверенности. Дверь захлопнулась. В доме стало слышно, как потрескивает огонь в печи — будто он тоже выдохнул.

Я медленно повернулась к мальчику.

Он стоял на ступеньке и всё ещё держал руку на запястье,

словно боялся, что метка выскользнет и выдаст его миру.

— Ты слышал? — спросила я тихо. — Завтра будут бумаги.

— Бумаги... — повторил он так, будто это было слово из другой жизни. — Это спасёт?

— Иногда спасает даже листок, если его правильно держать, — ответила я. — Пойдём. Тебе надо лечь.

— Я не хочу наверх, — прошептал он. — Там... холодно.

— Тогда на кухне, — сказала я. — У печи.

Он послушно пошёл за мной, но на пороге кухни остановился и спросил неожиданно взрослым голосом:

— Ты... тоже его боишься?

Я знала, кого он имеет в виду. Ледяного. Герцога. Кайрена.

Я посмотрела на своё запястье. Печать развода зудела, будто напоминая: “порядок”.

— Я боюсь не его, — сказала я честно. — Я боюсь того, как здесь любят “порядок”. А он... — я сглотнула, — он часть этого порядка.

Мальчик кивнул, будто понял слишком много.

— Ты сказала, что не отдашь, — напомнил он.

— Я сказала, — подтвердила я. — Значит, не отдам.

Он чуть расслабился. И в этой маленькой расслабленности было больше доверия, чем я ожидала в первый же день.

Ночь я почти не спала.

Пока мальчик дышал у печи, свернувшись клубком на ста-

рой накидке, я ходила по дому и слушала, как он скрипит. Как будто дом разговаривал со мной: “я старый, я дырявый, я не держу тепло, но если ты меня не бросишь — я, может, удержу тебя”.

Я поднялась во второй этаж, неся свечу, и осмотрела комнаты. В одной — пустая кровать и шкаф, в другой — нечто вроде кладовки. Окно заклеено бумагой. Щели в рамах. Холод залезал туда без стука.

— Первое: утеплить, — пробормотала я.

Потом вернулась вниз и занялась аптекой.

Быт — это не романтика. Быт — это “где взять воду” и “почему банка треснула”. Но мне нужен был этот быт, как якорь. Он не давал утонуть в мысли о герцоге и “Снежных”.

Я вытащила из-под прилавка всё, что можно было вытащить: пустые банки, полупустые, крышки, тряпки. Нашла в кладовке ведро — дырявое. Нашла ковш — ржавый. Нашла старую швабру — сломанную.

— Прекрасно, — сказала я сама себе. — Дом мечты.

Утром я разбудила мальчика запахом каши.

— Ешь, — сказала я, ставя перед ним миску. — Тёплое — это лекарство.

Он осторожно взял ложку.

— Ты... не уходишь? — спросил он, не поднимая глаз.

— Я уйду за водой и банками, — ответила я. — Но не далеко. И ты пойдёшь со мной.

Он замер.

— Я не могу, — выдохнул он. — Они увидят.

— Если ты будешь прятаться в доме, тебя найдут быстрее, — сказала я. — В городе легче быть невидимым, если ты... обычный. А обычные дети ходят с хозяйкой на рынок.

— Я не обычный, — прошептал он.

— Тогда будем притворяться, — сказала я. — Я умею.

Он посмотрел на меня — и впервые в его взгляде мелькнуло что-то вроде любопытства.

— Как?

— Как все, — ответила я и потянулась к его руке. — Дай запястье.

Он отдернул руку резко, будто я хотела причинить боль.

— Я не сделаю тебе больно, — сказала я. — Я спрячем метку.

Он замаялся, но потом протянул руку. Метка на коже была ледяной на вид, и от неё действительно шёл холод — как от металла зимой.

Я обмотала запястье полоской ткани — отрезала от старой простыни — и завязала узел.

— Болит? — спросила я.

— Нет, — ответил он.

— Тогда слушай. Ты — мой помощник, — сказала я. — Мой... ученик. Мне нужно, чтобы ты делал то, что я скажу. И чтобы ты молчал, когда надо.

— Я умею, — сказал он тихо.

— Верю, — я вздохнула. — Как тебя звать?

Он отвёл глаза.

— Не помню, — повторил прежнее.

— Ладно, — сказала я. — Тогда я буду называть тебя Рин.

Подходит?

— Почему Рин?

— Потому что коротко, — ответила я. — И потому что ты похож на северный ветер. Он тоже приходит, когда его не ждут, и делает жизнь сложнее. Но без него... — я пожала плечами, — было бы скучно.

Он не улыбнулся, но уголки губ дрогнули.

— Рин, — повторил он будто пробуя имя на вкус. — Хорошо.

— Хорошо, Рин, — сказала я. — Пойдём за водой.

У колодца на улице стояли женщины с вёдрами. Они смотрели на меня так, как смотрят на чужую беду: с любопытством и осторожностью, чтобы не заразиться.

— Это она, — шепнула одна другой. — Та самая. Герцогиня... бывшая.

— Не смотри, — ответили ей. — Ещё сглазит.

Я взяла ведро — чужое, у соседки попросила. Своё было дырявое, как моя удача.

— Вернёте? — спросила соседка, женщина с широкими плечами и руками, как у прачки. Голос у неё был крепкий, как верёвка.

— Верну, — сказала я. — И если надо — заплачу.

Она хмыкнула.

— Платить будешь приставу. Мне лучше... — она понизила голос, — не связываться.

— Почему? — спросила я.

Она кивнула на Рина.

— Потому что ты уже связалась, миледи.

Я напряглась.

— Вы видели?

— В Морозном Рейде все всё видят, — сказала женщина.

— Просто не все потом живут достаточно долго, чтобы рассказать.

— А вы живёте, — заметила я.

— Потому что я молчу, — она криво улыбнулась. — Зовут меня Аглая. И если хочешь мой совет: не лезь к гильдейским и не зли “Снежных”. Тогда, может, и проживёшь.

— А если я уже злю? — спросила я.

Аглая посмотрела на меня внимательно и вдруг сказала:

— Тогда учись кусаться.

Она взяла у меня ведро, помогла опустить в колодец, потом подняла — легко, как будто вода ничего не весила.

— Твой мальчишка... — она кивнула на Рина. — Слабый.

— Болеет, — ответила я.

— Сейчас многие болеют, — Аглая сплюнула в снег. — Белый мороз. Гильдия говорит — простуда. А я говорю — беда. Потому что у простуды не бывает такого... — она махнула рукой в сторону Рина, — такого взгляда.

Рин прижал плечи, будто хотел стать меньше.

— Что люди говорят? — спросила я, хотя не хотела знать.

— Говорят, что в порту кто-то травит воздух, — ответила Аглая. — Говорят, что рыба стала “холодной”, будто её из ледника достали. Говорят, что гильдейские алхимики варят “официальное” и берут за бутылку три кроны, а потом люди всё равно синеют. Говорят... — она прищурилась, — что ты ведьма, раз умеешь лечить дешевле.

— Я аптекарь, — сказала я.

— Для них это одно и то же, — Аглая пожала плечами. — Ладно. Ведро бери. Только верни до вечера.

— Верну, — повторила я.

— И ещё, — Аглая наклонилась ближе. — Если к тебе придут гильдейские — не спорь. Они любят бумажки. И любят, когда их боятся.

— Я не умею бояться бумажек, — сказала я.

Аглая усмехнулась:

— Тогда учись. Или научись на своей шкуре.

Мы ушли с водой и с тяжёлым ощущением, что даже колодец здесь смотрит на тебя с подозрением.

Дома я первым делом напоила Рина тёплым настоем и заставила его сидеть у печи, пока сама мыла банки.

— Зачем? — спросил он, наблюдая, как я кипячу воду и выскребаю остатки старых порошков.

— Потому что грязь — это тоже болезнь, — сказала я. — И потому что если люди придут — у меня должна быть чистая тара.

— Люди придут? — он напрягся.

— Придут, — сказала я. — На рынке меня видели. Помощь — это реклама. А у меня долг.

— Долг... — Рин будто попробовал слово на вкус. — Это когда... тебя забирают?

— Иногда, — призналась я. — Иногда забирают дом. Иногда свободу. Иногда... — я посмотрела на его повязку, — детей.

Он замолчал.

Я тоже. Потому что говорить об этом было легче, чем думать.

Первый стук в дверь прозвучал ближе к полудню.

Я как раз подписывала бумажные пакетики: “согревающий сбор №1”, “согревающий сбор №2”. Не “официально”. Но хотя бы аккуратно.

— Открывайте! — донёсся женский голос. — Аптека!

Я вытерла руки, вдохнула — и открыла.

На пороге стояла женщина в платке, глаза красные от ветра и тревоги.

— Вы... Нордхольм? — спросила она.

— Была, — ответила я. — Чем помочь?

— Тарн сказал... — она запнулась, — что вы дали ему питьё, и он не умер. У меня муж... — она повернулась и махнула рукой.

За ней стоял мужчина, опираясь на стену. Он был бледный, губы синеватые. И когда он кашлянул, изо рта вылетел

белый пар.

— Заходите, — сказала я сразу.

— У нас нет денег, — быстро сказала женщина, будто защищаясь.

— Сначала — жить, потом — деньги, — отрезала я. — Садите его сюда.

Я усадила мужчину на табурет у печи, сунула ему в руки кружку тёплой воды.

— Не глотать сразу, — сказала я. — Маленькими глотками. Дышать носом.

— Вы... кто... — прохрипел он.

— Аптекарь, — ответила я. — Пока меня не опечатали.

Женщина дернулась.

— Пристав придёт?

— Пристав уже был, — сказала я. — И придёт снова. Поэтому мне нужны клиенты. И порядок. И... — я быстро осмотрела мужчину, — мне нужна ваша “официальная” бутылка.

Женщина моргнула.

— Какая?

— Та, что вы купили у гильдейских, — сказала я. — У вас есть?

Она вытащила из-за пазухи маленький пузырёк с голубой пробкой.

— Три кроны, — прошептала она с ненавистью. — А ему хуже.

Я взяла пузырёк и сразу почувствовала странное: стекло было холоднее, чем должно быть. Будто внутри лежал кусочек льда.

— Хорошо, — сказала я. — Сейчас посмотрим, что они вам продали.

— Вы не боитесь? — прошептала женщина.

— Я уже разведена, — сказала я. — После этого мало что страшно.

Она странно хмыкнула, и в этом хмыке было больше человеческого, чем в половине моих вчерашних разговоров.

Я смешала настой: огневика, смола, чуть мяты, щепотка горечи — и мёд, чтобы не вырвало сразу. Дала мужчине.

— Горько, — прохрипел он.

— Живи, — сказала я. — Тогда будет горько недолго.

Он выпил. Закашлялся. Белый пар стал тоньше.

Женщина закрыла рот ладонью.

— Ох...

— Ему нужно тепло и покой, — сказала я. — И никакого “официального”.

— А что тогда пить? — спросила она.

— Это, — я кивнула на кружку. — Дважды в день. И не перебарщивать. Я напишу дозировку.

— Сколько? — женщина напряглась.

Я посмотрела на её руки. Трещины. Грубая кожа. Бедная.

— Медяк за пакетик, — сказала я. — И если не будет — принесёте потом.

Женщина расплакалась неожиданно тихо.

— Спасибо...

— Не надо “спасибо”, — я махнула рукой. — Лучше скажите людям: не пейте то, что вас убивает.

Она ушла с мужем, а через час пришли ещё двое. Потом ещё. К вечеру у моей двери уже стояли люди — и кто-то шептал, кто-то крестился, кто-то называл меня ведьмой.

— Ведьма лечит, — сказала одна старуха, оглядывая мою лавку, будто искала рога на полке. — Значит, и сглаз снять может?

— Сглаз снимают, когда перестают лезть в чужую жизнь, — ответила я. — Вам что надо?

Старуха фыркнула, но пакетик купила.

Рин сидел на табурете в углу, тихий, как тень. Иногда он подавал мне чистую кружку, иногда подбрасывал дрова. И каждый раз, когда дверь открывалась, он напрягался, будто ждал, что войдёт не клиент, а “Снежные”.

К вечеру у меня на столе лежала кучка монет — всё ещё смешная, но уже настоящая. И пузырёк с “официальным” лекарством.

Я закрыла дверь, повернула задвижку и выдохнула.

— Видишь? — сказала я Рину, поднимая монеты. — Это называется “работать”.

Он смотрел на монеты без интереса.

— Это спасёт? — спросил он.

— От пристава — частично, — сказала я. — От “Снеж-

ных” — не знаю.

Он опустил взгляд на повязку на запястье.

— Они всё равно придут, — тихо сказал он.

— Тогда мы будем готовы, — ответила я.

И впервые это прозвучало не как утешение, а как план.

Пузырёк я отнесла на склад — в “кабинет”, где стоял стол и лежали книги. Зажгла свечу, поставила пузырьёк перед собой, осторожно вынула пробку.

Запах ударил сразу: холодный металл и что-то... будто мокрый камень. Это не было травяным. Это не было “согревающим”. Это было... чужим.

Я капнула одну каплю на ложку и поднесла к свечке.

Капля не потекла. Она будто схватилась тонкой коркой, как вода на морозе.

— Интересно, — пробормотала я.

Я вспомнила банку “соль снежника”, которую нашёл Гренн. Тогда я не знала, что это. Теперь знала хотя бы одно: холод в лекарствах — подозрителен.

Я взяла щепотку огневики, размяла в ступке, добавила каплю “официального” — и следила, что будет.

Смесь резко потемнела. По краям выступили мелкие кристаллы — белые, как сахар, но с острым блеском.

— Соль, — прошептала я. — Но не обычная.

Я поднесла кристалл к языку — совсем чуть-чуть, едва касаясь. В прошлой жизни я бы так не сделала. В прошлой жизни у меня были тест-полоски и лаборатория. Сейчас у

меня было только тело и опыт.

Вкус был... как ледяной ожог. И сразу язык словно онемел.

Я резко выплюнула и запила тёплой водой.

— Твою же... — прошептала я, утирая губы. — Это не лекарство. Это...

Это могло быть что угодно: замедляющий яд, компонент, который усиливает “белый мороз”, “подсадка” на гильдейские бутылки. Но одно я поняла точно: если человек с белым морозом пьёт это, ему становится хуже.

Я сидела и смотрела на пузырьрёк, пока свеча не стала капать воском.

В дверь снова постучали.

Я вздрогнула. Вечер. Клиенты уже ушли. Кто ещё?

— Открывайте! — донёсся голос. Мужской. Уверенный.

Рин поднял голову, и я увидела, как он побледнел.

— Тихо, — шепнула я. — Иди на кухню.

— Нет, — он вцепился в край стола.

Я встала, взяла ступку — как символ того, что у меня хотя бы что-то есть — и пошла к двери.

— Кто? — спросила я.

— Гильдия алхимиков, — ответили снаружи. — Проверка. Жалоба.

Жалоба. Конечно.

Я открыла.

На пороге стоял мужчина в длинном тёмно-синем плаще,

украшенном серебряными знаками, похожими на стилизованные колбы. Лицо — сухое, вытянутое, глаза — светлые и холодные, но не как у герцога. Скорее как у человека, который привык смотреть на других сверху вниз.

За его спиной — двое помощников с ящиками и один городской стражник.

— Леди Элария Нордхольм, — произнёс он, будто читая протокол. — Я мастер-алхимик Лоран Вейл. Уполномочен гильдией проверить вашу лавку на предмет незаконной торговли и... — он вдохнул, — опасных смесей.

— Опасных? — переспросила я.

— Не надо играть, миледи, — Лоран чуть улыбнулся. — По городу ходят слухи, что вы лечите “белый мороз” без допуска. Это нарушение. И угроза общественному порядку.

— Общественному порядку угрожает болезнь, — сказала я. — А не моя печь.

— Болезнь под контролем гильдии, — спокойно сказал Лоран. — И вы, как частная лавка, обязаны подчиняться.

— У меня есть право торговать на своей территории, — сказала я. — Это мой дом и моя лавка.

— Ваша лавка в долгах, — мягко напомнил стражник. — А долги иногда... меняют владельцев.

Лоран сделал шаг внутрь, не дожидаясь приглашения.

— Покажите лицензию, — сказал он.

— Лицензия была у прежней хозяйки, — ответила я. — Я... только вступила во владение.

— Тогда вы не имеете права лечить, — Лоран кивнул своим помощникам. — Опись. Забираем всё, что похоже на “согревающие сборы”.

— Нет, — сказала я.

Один из помощников остановился.

Лоран посмотрел на меня, будто я сказала что-то неприличное.

— Простите?

— Я сказала “нет”, — повторила я. — Вы не будете забирать мои травы.

— Миледи, — Лоран вздохнул, — вы правда хотите спорить с гильдией? Гильдия может закрыть вас одним письмом.

— Письма я уже видела, — сказала я. — И я вижу, как “официальное” лекарство помогает людям синеесть.

Лоран замер на секунду. Улыбка исчезла.

— Вы обвиняете гильдию?

— Я говорю, что ваши бутылки холодные, — сказала я. — И что люди после них кашляют белым паром сильнее.

— Вы не понимаете алхимии, миледи, — голос Лорана стал чуть жёстче. — Не лезьте туда, где вы — дилетант.

— Я понимаю симптомы, — сказала я. — И понимаю, когда человека добивают “лечением”.

— Довольно, — Лоран махнул рукой. — Осмотр. Немедленно. Если найдём незаконные смеси — лавка будет опечатана гильдией. И тогда пристав вам покажется добрым род-

ственником.

— Вы угрожаете? — спросила я.

— Я предупреждаю, — поправил он.

Его помощники уже рылись в ящиках. Один вытащил мои пакетики со сборами, понюхал.

— Обычные травы, мастер, — сказал он неуверенно.

— Обычные травы в обычных руках — да, — отрезал Лоран. — А в руках опальной — повод для беды.

Я почувствовала, как внутри поднимается горячая, опасная волна.

— Опальной? — переспросила я. — То есть дело не в травах. Дело во мне?

Лоран посмотрел на меня спокойно, как на насекомое под стеклом.

— В Морозном Рейде статус — это тоже ингредиент, миледи. Он меняет свойства всего, к чему прикасается.

— Тогда запишите, — сказала я. — “Статус: яд”.

Стражник хмыкнул, но тут же сделал вид, что кашляет.

Лоран снова улыбнулся — тонко.

— У вас острый язык. И очень короткая жизнь. Я могу закрыть лавку уже сегодня, но... — он посмотрел вокруг, будто оценивая мои пустые полки, — гильдии неинтересно разорение бедной лавки. Гильдии интересен порядок.

— И деньги, — сказала я.

— И деньги, — согласился он. — Поэтому так: вы прекращаете выдавать любые согревающие смеси. Немедленно. Вы

вывешиваете на дверь знак “на инвентаризации”. И завтра приходите в гильдию за разрешением. Сбор — десять крон.

— Десять?! — вырвалось у меня.

— Или закрытие, — спокойно сказал Лоран. — Выбирайте.

Я сжала кулаки.

— У меня нет десяти крон.

— Тогда... — Лоран развёл руками. — Закрытие.

Рин появился в дверях кухни — тихий, как мышь. Я увидела его краем глаза и чуть не закричала от злости. Но он был уже здесь.

Лоран тоже заметил движение. Его взгляд скользнул по мальчику — и на секунду задержался на повязке на запястье.

— Кто это? — спросил он.

— Помощник, — сказала я быстро. — Мальчишка из порта. Помогает за еду.

— В порту сейчас много... интересного, — Лоран прищурился. — Особенно с “белым морозом”.

Рин опустил голову.

— Уходи на кухню, — сказала я тихо, не глядя на него.

Он послушался.

Лоран сделал вид, что потерял интерес.

— Завтра, — повторил он. — Разрешение. И никаких “лечений”. А если я услышу ещё одну историю о чудесной ведьме-аптекаре... — он наклонился ближе, — то придёт не гильдия. Придёт стража. И тогда будут искать не травы.

Я не спросила “что”. Потому что знала.

Он ушёл, оставив после себя запах дорогих чернил и уверенности.

Я закрыла дверь и опёрлась на неё спиной.

— Вот и первый враг, — прошептала я.

Рин подошёл ближе.

— Он... плохой?

— Он удобный, — сказала я. — А удобные люди хуже плохих. Потому что они делают зло чистыми руками.

— А “Снежные”? — спросил Рин.

Я посмотрела на повязку на его запястье.

— “Снежные” — это не враг, — сказала я медленно. — Это... каток. Он не злой. Он просто едет туда, куда его направили. И давит всё, что под ним.

— Его можно остановить? — спросил Рин.

Я вспомнила ледяные глаза герцога, его “это порядок”.

— Можно, — сказала я. — Но сначала надо понять, кто его направляет.

Ночью я снова работала.

Я повесила на дверь табличку “ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ”, потому что иначе гильдия придёт с печатью раньше, чем пристав. Выглядело это как капитуляция, но на самом деле было щитом. Временным.

Я кипятила банки. Сушила их на полотенце, которого у меня всё ещё не было — пришлось использовать старую простыню. Пересчитывала травы. Делала новые пакетики и пря-

тала их не в лавке, а в кухонном шкафу, среди крупы.

— Бизнес по-нашему, — бурчала я себе под нос. — Лечим людей между кастрюлями.

Рин сидел у печи и перебирал сухие травы — я дала ему самую простую работу: отделять стебли от листьев.

— Не ешь, — предупредила я. — Это не конфеты.

— Я не ем, — ответил он серьёзно. — Я... работаю.

И в этом “работаю” было столько гордости, что мне стало не по себе. Он цеплялся за любую роль, лишь бы не быть “тем, кого забирают”.

К полуночи я снова достала пузырёк “официального” лекарства. Смотрела на него и думала: если это действительно яд, то зачем? Чтобы выкачивать деньги? Чтобы ослабить город? Чтобы...

Чтобы что-то скрыть?

Я вспомнила слова Аглаи: “в порту кто-то травит воздух”.

Если болезнь идёт из порта, то гильдии выгодно, чтобы она не заканчивалась. И выгодно, чтобы “частные” лавки молчали.

Я поставила пузырёк в дальний угол и накрыла тряпкой.

— Завтра, — сказала я себе. — Завтра пойду в гильдию. Не за разрешением. За ответами.

Рин поднял голову.

— Ты уйдёшь?

— Уйду и вернусь, — сказала я. — Я всегда возвращаюсь, помнишь?

Он кивнул, но в глазах снова появилось то самое: “всё равно придут”.

Я хотела сказать ему что-то успокаивающее, но в этот момент в лавке что-то тихо звякнуло.

Не печь. Не дом. Стекло.

Я замерла.

Рин тоже замер.

Звякнуло снова — будто крышка банки задела другую.

Я медленно встала, взяла ступку — она уже стала продолжением моей руки — и пошла к двери в лавку. Свеча дрожала.

Дверь была закрыта. Я точно закрывала.

Но щель под дверью... была темнее, чем должна быть. Как будто кто-то стоял по ту сторону.

Я шагнула ближе, задержала дыхание.

И тут дверь чуть-чуть шевельнулась — будто её толкнули изнутри.

Я распахнула её резко.

В лавке было темно, но не пусто. У прилавка мелькнула фигура — в плаще. Не гильдейский. Не пристав. Быстрый. Лёгкий.

— Стой! — крикнула я и бросилась вперёд.

Фигура метнулась к выходу. Дверь хлопнула. В лицо ударил мороз.

Я выбежала на крыльцо — и увидела только спину, исчезающую за углом дома.

— Тварь... — выдохнула я и хотела погнаться, но остановилась.

Если это ловушка — я выйду, а в доме останется Рин. Один. Нет.

Я вернулась в лавку, закрыла дверь на задвижку, прижалась к ней на секунду, пытаясь успокоить сердце.

— Кто там? — шёпотом спросил Рин из кухни.

— Никто, — солгала я. — Уже никто.

Я подошла к прилавку. На нём лежало то, чего раньше не было: небольшой тканевый мешочек, туго завязанный.

Я осторожно развязала.

Внутри был порошок. Белый. Мелкий. И от него пахло... тем самым холодным металлом.

“Соль снежника”.

Я почувствовала, как внутри всё проваливается.

— Нет... — прошептала я.

Потому что теперь всё становилось слишком логичным: гильдия, проверка, угроза “будут искать не травы”. И вот — пожалуйста. “Ищите”.

— Что это? — спросил Рин, подойдя ближе.

Я быстро спрятала мешочек за спину.

— Ничего, — сказала я резко. — Иди на кухню.

— Ты врёшь, — тихо сказал он. Не обвиняя. Констатируя.

Я закрыла глаза на секунду.

— Да, — призналась я. — Я вру, потому что если ты узнаешь, испугаешься.

— Я уже испуган, — сказал он просто.

И в этот момент в дверь снова постучали.

Не как клиент. Не как гильдия. Жёстко. Приказно.

— Откройте! — раздался голос снаружи. — Городская стража! Обыск!

Я посмотрела на мешочек в своей руке.

Белый порошок казался почти красивым при свете свечи. Как снег. Как ложь.

— Миледи Элария Нордхольм! — снова крикнули снаружи. — Есть сведения о хранении запрещённого алхимического реагента! Открывайте немедленно!

Рин схватил меня за рукав.

— Они... пришли, — прошептал он.

Я слышала, как за дверью шуршит металл, как переступают сапоги, как кто-то нетерпеливо стучит дубинкой по доскам.

И я поняла одну очень простую вещь: меня не просто хотят закрыть. Меня хотят сделать виноватой.

Я сжала мешочек так, что порошок внутри хрустнул.

— Тихо, — сказала я Рину. — Что бы ни случилось — молчи. Понял?

Он кивнул, широко раскрытыми глазами.

Я шагнула к двери и положила ладонь на задвижку.

Снаружи снова ударили.

— Последнее предупреждение! Ломаем!

Я повернула задвижку.

И в тот же миг свеча на столе дрогнула, будто в дом вошёл не ветер — а чужой, ледяной взгляд.

Глава 4. Бастард герцога

Я повернула задвижку — и дверь распахнулась так резко, будто её толкнули не рукой, а приказом.

На пороге стоял сержант городской стражи в сером кафтане, промокшем от снега. За ним — ещё двое, и третий держал фонарь, от которого свет резал темноту клинком. Пахло железом, мокрой кожей и чужой уверенностью.

— Леди Элария Нордхольм? — сержант произнёс моё имя так, как произносят пункт в списке: без эмоций, но с намерением.

— Здесь, — сказала я. Голос вышел ровным, хотя сердце билось в горле.

— По распоряжению дознавательского отдела. Обыск. Есть сведения о хранении запрещённого алхимического реагента. — Он поднял лист бумаги с печатью. — Откройте помещения, покажите кладовые, лавку и жилую часть.

— Вы уже в доме, — заметила я.

— Не умничайте, миледи, — буркнул один из стражников и шагнул внутрь, почти задев плечом меня.

Я отступила на шаг, перекрывая проход к кухне. Там был Рин. Я чувствовала его присутствие всем телом — как горячую точку в холодном доме.

— Сведения от кого? — спросила я, глядя на бумагу. — От гильдии?

Сержант чуть дёрнул щекой.

— От осведомителя.

— Удобный осведомитель, — сказала я. — Прямо в тот же день, как гильдия мне угрожала.

— Молчать, — резко бросил второй стражник. — Мы не на суде. Где реагент?

Я раскрыла ладони.

— Если бы я знала, где он, я бы не открывала дверь, — сказала я. — И не давала вам повода ломать её.

— Умная, значит, — сержант глянул на меня внимательно. — Тогда по-хорошему: не мешайте. Сопротивление — отдельная статья.

— Я не сопротивляюсь, — сказала я. — Я просто хочу, чтобы вы ничего не сломали. Это моя лавка.

— “Моя”... — кто-то усмехнулся за спиной сержанта. — С долгами-то.

Я сжала зубы. Ступка лежала на столе, как молчаливое напоминание о том, что я тоже умею быть “неудобной”. Но сейчас мне нужна была не драка. Мне нужна была скорость.

— Осматривать можно при мне, — сказала я. — И не трогать товары голыми руками.

— У нас руки чистые, — отрезал стражник с фонарём и направился в лавку.

Я шагнула за ними, не спуская взгляд с кухни. Дверь была чуть приоткрыта. Рин, должно быть, стоял там, за косяком, и держал дыхание.

— Начинаем, — сержант махнул рукой.

Двое стражников разошлись по лавке, заглядывая под прилавки, в ящики, на полки. Один снял крышку с банки, понюхал и поморщился.

— Травы, — буркнул он разочарованно.

— Там, где травы, всегда найдётся что-то интереснее, — сказал второй и стал рыться глубже.

Я держалась у прохода к кухне, будто случайно. Будто просто не хочу, чтобы кто-то прошёл в жилую часть без спроса. На самом деле я закрывала собой Рина.

— Открывайте склад, — приказал сержант.

— Сейчас, — сказала я и пошла к двери за прилавком.

Ключ повернулся в замке с трудом. Склад встретил нас запахом сухих корней и пыли. Стражник с фонарём поднял свет, и тени затанцевали по стенам.

— Во-о-от, — протянул второй, глядя на полки. — Тут можно спрятать что угодно.

— Спрячьте лучше совесть, — не удержалась я.

Сержант повернулся ко мне, взгляд стал тяжёлым.

— Ещё одно слово, миледи, и я вас закрою на время обыска. В клетки. — Он кивнул на дверь. — Не мешайте.

Я вдохнула и заставила себя молчать.

Они перевернули коробки, подняли книги учёта, листали письма. Один из стражников подцепил пальцем мешочек с огневикой, понюхал, чихнул.

— Перец какой-то, — сказал он, вытирая нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.